

A close-up, intimate photograph of a man with dark hair and a beard, wearing a white button-down shirt, cradling a newborn baby. The man's eyes are closed, and he has a peaceful expression. The baby is wrapped in a white, textured blanket and is also sleeping. The lighting is warm and soft, creating a tender atmosphere. The background is blurred, showing what appears to be a lamp and some furniture.

Vladlen

Судьба

18+

Vladlen
Судьба

«Автор»

2026

Vladlen

Судьба / Vladlen — «Автор», 2026

Муж выбросил меня на ночной зимней трассе, не зная что я беременна. Меня спас мимо проезжавший мужчина. А что если это судьба?

© Vladlen, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Vladlen Судьба

Глава

Глава 1

Светлана сидела в машине мужа и пыталась осмыслить услышанное.

- Да, у меня есть любовница, она беременна, и я женюсь на ней. Ты за пять лет так и не смогла мне родить. Ты пустая. А пустая мне не нужна. Выходи из машины.

- Здесь? Сейчас? - Светлана спросила хрипло, смотря на Глеба - мы за городом, на улице два часа ночи и минус тридцать. Серьезно оставишь меня на дороге?

- Выходи, я сказал. - Голос Глеба был холодным, как стекло, и таким же безжалостным. Он даже не повернул головы, уставившись в темноту за лобовым стеклом, где фары выхватывали из морозной мглы лишь узкую полосу заснеженного шоссе.

Светлана замерла. Слова мужа - бывшего мужа, как она вдруг с ужасающей ясностью поняла, - врезались в неё не как нож, а как раскалённый прут, прожигающий всё внутри. «Пустая». Это слово повисло в салоне, смешиваясь с запахом старого кожаного салона и его одеколона, к которому она так привыкла за пять лет. Пять лет попыток, надежд, уколов, анализов, бессонных ночей и улыбок, которые она выдавливала из себя на приёмах у врачей. А он просто вышвыривал её, как сломанную куклу, в два часа ночи в тридцатиградусный мороз.

Слёзы навернулись на глаза, но она их сдержала. Нет. Не при нём. Никогда больше. Она медленно расстегнула ремень безопасности - металл предательски звякнул в тишине. Её пальцы дрожали, то ли от холода, который уже пробирался сквозь щели в дверях, то ли от злости, которая начала закипать где-то в самом низу живота, глуша боль.

- Ты пожалеешь, Глеб, - сказала она тихо, почти шёпотом, открывая дверь. В салон ворвалось облако морозного воздуха, обжигающего лёгкие.

- Ага, размечталась. - Он усмехнулся, наконец взглянув на неё с презрительной жалостью. - Таких, как ты, полно. Бесплодных, истеричных. Завтра пришлю курьером вещи. И не вздумай звонить моей матери - она уже всё знает.

Светлана вышла. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезав её от всего прежнего мира. Мотор взревел, и «Лексус» сорвался с места, оставив её одну на пустынной трассе, ведущей в никуда. Снежная пыль взметнулась из-под колёс и осела на её пальто, которое она накинула на плечи поверх платья. Под ногами был лёд, звёзды над головой - колющие и равнодушные. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Первые минуты она просто стояла, глядя на удаляющиеся красные огни. Мысли путались. Как она попала сюда? Как позволила этому случиться? Ведь был же он другим, ласковым, заботливым, когда они только поженились. Или она сама слепила себе кумира, прячась за фасадом благополучия? Глеб был бизнесменом, привыкшим всё контролировать, и её бесплодие стало для него личным оскорблением, трещиной в идеальной картине мира. Он не видел в ней человека - только функцию. Инкубатор, который дал сбой.

Холод начал пробираться под пальто, заставляя её мелко дрожать. Ноги в сапогах на тонкой подошве уже онемели. Нужно было что-то делать. Идти. Задним ходом, в сторону города, километрах в пятнадцати отсюда. Или вперёд, до ближайшего посёлка, который, по её смут-

ным воспоминаниям, находился в паре километров. Но сил не было. Она опустилась прямо на снег, на обочину, обхватив колени руками.

«Пустая». Слово пульсировало в висках. А потом вдруг, словно из другого измерения, пришла мысль, острая и ясная: нет, я не пустая. Я наполнена. Я наполнена годами терпения, тихой боли, несбывшихся надежд. Я наполнена знанием собственной цены, которую он так и не разглядел. И я наполнена свободой. Страшной, обжигающей, но свободой.

Она подняла голову. Луна скрылась за облаком, и на мгновение стало темно, как в могиле. Но тут же облако ушло, и свет залил всё вокруг серебром. Светлана глубоко вздохнула, встала, отряхнула пальто.

Медленно она пошла в сторону города. Нужно двигаться.

Через полчаса она уже замерзла окончательно. Мимо проехала машина, ослепив ее фарами. А потом резко остановилась и начала сдавать назад.

Перед Светланой остановился огромный внедорожник.

Стекло медленно поползло вниз. За рулем оказался мужчина в охотничьей одежде. Огромный, небритый.

- Девушка, у вас все хорошо? Садитесь в машину.

Светлана, не раздумывая запрыгнула в теплый салон. Лицо начало отогреваться первым и из глаз полились слезы. Только сейчас она наконец-то осознала, что могла замёрзнуть тут насмерть.

- Тише, тише, - голос мужчины был низким и спокойным, как гул мотора. Он протянул ей термос. - Пейте. Горячий чай, с малиной. Согреетесь, и поедем.

Светлана взяла термос дрожащими руками, сделала глоток - обжигающая сладость разлилась по груди, возвращая жизнь онемевшим пальцам. Она всхлипнула, пытаясь унять дрожь. Водитель молчал, не задавал вопросов, не лез с советами. Просто ждал, пока она придет в себя. В тепле салона, пахнущем бензином и табаком, реальность происшедшего навалилась на нее с новой силой. Но вместе с ужасом пришло странное облегчение. Она осталась жива. И больше никогда не вернется в тот дом, где ее считали пустым местом.

- Куда вас везти? - спросил мужчина, когда она отставила пустой термос. - В город? К родителям, к подруге?

- К подруге, - выдохнула Светлана, назвав адрес. Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и вдруг почувствовала, как внутри закипает что-то новое. Не горечь, не обида, а гнев. Холодный, расчетливый, как тот мороз, что едва не убил ее. Она вспомнила слова Глеба: «Ты пустая». Вспомнила его презрительную усмешку. И поняла: он ошибся. Она не пустая. Она - целый мир, который он просто не захотел увидеть. И теперь она построит этот мир заново. Сама.

Машина развернулась, и мягко покатила вперед, рассекая снежную мглу. Светлана смотрела в окно на убегающие назад деревья и думала о завтрашнем дне.

- Как вас зовут? - мужчина изредка поглядывал на нее

- Светлана

- Очень приятно, я Игорь. Что у вас случилось?

- Развод - тихо сказала Света

- А почему вы ночью на трассе?

- Меня выкинули из супружеской жизни, словно сломанную вещь - Света сглотнула тяжелый ком.

Игорь ничего не ответил. Он лишь сильнее сжал руль, и костяшки его пальцев побелели. Мужчина бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, будто проверяя, не следят ли за ними, и спросил:

- Это он тебя на трассе высадил? В мороз?

Светлана кивнула, не в силах говорить. Горло сдавило спазмом.

Игорь выругался сквозь зубы, глухо и зло, но тут же взял себя в руки.

- Адрес и телефон подруги знаешь?- спросил он, и в его голосе прорезалась жесткая, деловая нотка. - Я позвоню, чтобы тебя встретили.

Светлана продиктовала адрес и телефон Насти, лучшей подруги, с которой они дружили ещё с института. Игорь достал телефон, набрал номер и коротко объяснил ситуацию: «Подругу вашу чуть не убили. Сейчас привезу. Встретьте».

Он говорил так, словно это было в порядке вещей - спасать замерзающих женщин посреди ночи.

Света смотрела на его профиль, на седину в волосах на висках и чувствовала странную благодарность, перемешанную с усталостью. Она не знала, кто он, но доверяла ему больше, чем Глебу за все пять лет брака.

Через сорок минут внедорожник остановился у старой панельной девятиэтажки. Настя уже стояла у подъезда, накинув пуховик поверх пижамы.

Увидев Свету, она бросилась к ней, обняла и потащила внутрь, даже не взглянув на Игоря.

Светлана обернулась на пороге:

- Спасибо... я даже не знаю, как...

- Не надо, - перебил её Игорь.

Он достал из кармана куртки визитку и протянул ей.

- Если что-то понадобится - звони. Я недалеко живу, в этом районе.

Дверь автомобиля захлопнулась, и Светлана осталась в теплых объятиях подруги. Она разжала ладонь: визитка была чёрной, с серебряным тиснением - «Свитов Игорь Витальевич. Охрана и безопасность».

Она сунула её в карман и поднялась с Настей в квартиру. Не снимая пальто, села на кухонный табурет. Перед ней стояла кружка с чаем, а Настя суежилась у плиты, гремя заваркой.

- Ну рассказывай, - сказала подруга, садясь напротив. - Только по порядку. И без соплей. Мы с тобой не из тех, кто плачет, мы из тех, кто мстит.

Света горько усмехнулась. Она вытерла мокрые щёки и сделала глоток.

- Мсть? - переспросила Света, повернув кружку в ладонях, словно пытаясь согреть не только руки, но и душу. - Нет, Насть. Мсть - это слишком мелко для него. Он хочет, чтобы я сдохла от обиды, чтобы я рыдала и умоляла. А я не дам ему этого удовольствия. Я просто вычеркну его из своей жизни, как вычеркивают мусор из памяти телефона.

Она замолчала, глядя в темное окно кухни, где за стеклом кружился снег, хотя на дворе был уже март. В голове проносились обрывки воспоминаний - улыбка Глеба в день свадьбы, его холодные глаза сегодняшней ночью, слово «пустая», висевшее в воздухе. Но вместо того, чтобы сжаться от боли, Светлана вдруг почувствовала, как внутри нее разливается что-то твердое. Она подняла глаза на подругу и тихо, но уверенно произнесла:

- Завтра я найду адвоката. Я хочу развестись по всем правилам. И я хочу забрать всё, что причитается по закону. Квартиру, машину. Я не собираюсь уходить в никуда с пустыми руками. Я там пять лет пахала - его тылы прикрывала, дом вела, его мать ублажала.

Настя присвистнула, откинувшись на спинку стула.

- Вот это поворот. А я думала, ты будешь реветь неделями. - Она хитро прищурилась. - Значит, война?

- Война, - подтвердила Света, и в голосе её впервые за ночь появилась сталь. - Но не грязная. Умная. У него рычаги давления только на бабки, связи, на его драгоценный статус. А у меня - ничего, кроме правды. Но правда - это та ещё дубина, если уметь ею размахивать.

Они проговорили до рассвета. Настя, работавшая юристом в небольшой конторе, набросала примерный план действий: собрать документы, зафиксировать факт угрозы жизни, подать заявление о разводе с требованием раздела имущества.

Света слушала, кивала, но где-то на задворках сознания теплилась одна мысль, которую она не решалась произнести вслух. Она не просто хотела справедливости. Она хотела, чтобы Глеб проиграл по-крупному. Чтобы он, привыкший всё контролировать, вдруг оказался в положении жертвы. Это была не месть - это была жажда равновесия. Жажда доказать, что пустота бывает только в головах тех, кто не видит дальше собственного носа.

Но утро внесло свои коррективы.

Светлане стало плохо, и Настя вызвала скорую.

- Вы беременны – приговор врача, как гром среди ясного неба – срок четыре недели.

Светлана замерла, глядя на врача, который уже устал ждать её реакции и теперь просто смотрел, поджав губы. Слова повисли в воздухе, холодные и невесомые, как тот мороз, который едва не убил её несколько часов назад. Четыре недели. Четыре недели назад она ещё надеялась, ещё верила, ещё сдавала тесты, которые упрямо показывали одну полоску. А теперь, когда надежда умерла, когда её вышвырнули в снег, как ненужный хлам, природа решила сыграть с ней злую шутку. Или не злую. Света не знала, что чувствовать - радость или ужас.

Она опустила взгляд на свои руки, всё ещё дрожащие, на живот, который пока был плоским и безразличным к драме, развернувшейся вокруг. Ребёнок от Глеба. От человека, который назвал её пустой, который высадил её в тридцатиградусный мороз, который не захотел иметь с ней ничего общего именно из-за того, что внутри неё теперь билось крошечное сердце. Ирония судьбы была настолько чудовищной, что Света почувствовала, как губы сами собой растягиваются в горькой усмешке. Она подняла глаза на врача и спросила ровным, почти механическим голосом

- С ребёнком всё в порядке? Доктор, скажите честно - не отразился ли на нём этот стресс и переохлаждение?

Врач, немолодой мужчина с усталыми глазами, вздохнул и убрал очки в карман халата

- Пока угрозы нет, но организм на пределе. Вам нужен полный покой, витамины, наблюдение. И никаких нервных потрясений, даже если очень хочется кому-то что-то доказать.

Он посмотрел на неё поверх стетоскопа, и в его взгляде читалось: «Слышишь меня?». Света кивнула, но внутри неё уже закипал не гнев, а что-то холодное и расчётливое, как лёд на трассе. Покой будет, но только после того, как она расставит всё по местам. Она не позволит этому ребёнку родиться в тени презрения отца, который даже не узнает о его существовании. Или узнает? В голове завертелся калейдоскоп планов.

Настя ждала в коридоре, прикуривая уже третью сигарету под табличкой «Не курить». Увидев Свету, она затушила окурок о подоконник и подскочила

- Ну что там? Ты зелёная вся, бледная... Серьёзно что-то?

Света взяла подругу за руку, отвела в дальний угол и, понизив голос до шёпота, сказала всего два слова

- Я беременна

Настя открыла рот, потом закрыла, потом снова открыла. Глаза её расширились, и она зашипела, не в силах сдержать эмоции

- Ты шутишь?! Этот козёл... он же... он из-за этого... Боже, Света, ты будешь рожать? Ты хоть понимаешь, что это значит? Глеб, если узнает, сойдёт с ума. Он же на уши всё встанет, он же...вернется к тебе...

В последней фразе Насти прозвучало сожаление...или Светлане просто показалось?

Света остановила её жестом, и в глазах её мелькнула сталь

- Он не узнает.

Она прошла обратно в палату, села на койку и долго смотрела в потолок, где трещина в штукатурке напоминала карту неизведанной земли.

Настя принесла ей стакан воды и села рядом, не задавая вопросов.

Света повернулась к Насте

- Звони адвокату прямо сейчас. Я не хочу ждать. Чем быстрее я перестану быть женой Глеба, тем быстрее этот ребёнок станет только моим.

Глава 2

- Светлана Анатольевна, Глеб Николаевич подготовил документы на развод. Он передал ваши вещи, а также перечислил на ваш счет некоторую сумму. К сожалению, это все. Большого нам не удастся добиться.

Адвокат смотрел на девушек с явным разочарованием.

- Вот эту сумму он перечислил? Серьезно? – Светлана смотрела на цифры и не могла поверить. Просто подачка нищему не иначе.

- Оставьте нас пожалуйста – Настя выставила адвоката за дверь – ты должна сделать аборт - Чего?

- А на что ты будешь растить ребенка? Где жить? Об этом ты подумала? Тебя выкинули, абсолютно голой...

- Я возьмусь за свое дело, вернусь в издательство

- А они ждут тебя? У тебя был перерыв три года. У них давно другой фотограф. Кому ты там нужна? Если одна ты еще сможешь выкарабкаться, то с ребенком на руках ты обречена.

Светлана молчала, глядя в одну точку на столе. Слова Насти врезались в сознание, как холодный нож. Она знала, что подруга права - по-своему, жестко, но права. Три года назад она была востребованным фотографом, её снимки печатали в глянцевых журналах, заказчики записывались за месяц. Но брак с Глебом всё изменил. Сначала он мягко, но настоятельно попросил её оставить карьеру: *«Ты же хочешь семью, а не вечные командировки?»* Потом пошли дети - точнее, одна неудачная попытка за другой, выкидыши и больницы. А теперь, когда она наконец забеременела и решила рожать, муж просто выставил её за дверь с жалкой суммой, которой хватит разве что на аренду комнаты на пару месяцев. Ну вернее он и не знает о беременности

- Я не могу, - голос Светланы дрогнул, но она заставила себя посмотреть подруге в глаза.

- Я уже чувствую её. Это девочка. Я не могу её убить, понимаешь? Пусть я буду нищей, пусть буду жить в подвале, но я не возьму на душу этот грех.

Настя раздраженно вздохнула и закатила глаза.

- И какой у тебя план? Приползти на коленях к Глебу?

- Нет никакого плана – Светлана вздохнула

- Поехали, я знаю одну клинику. Там за час прервут твою беременность.

Настя потащила Светлану сначала в такси, а потом и в клинику.

Светлана шла за подругой, как заведенная кукла. Белые стены клиники, запах спирта и стерильной ткани - всё это отдавалось в висках глухой болью. В регистратуре Настя уверенно заполнила какие-то бумаги, бросила на стойку паспорт Светланы и обернулась с победоносным видом. Через десять минут их пригласили в кабинет. Врач - женщина лет пятидесяти с усталыми, но внимательными глазами - посмотрела на Светлану поверх очков и спросила только одно.

- Вы уверены? - Светлана открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов из горла вырвался только сдвленный всхлип.

Настя тут же вставила

- Да, она уверена. У нас сложная ситуация, муж бросил, денег нет

Врач молча кивнула и протянула бланк согласия.

- Распишитесь здесь и здесь, - сказала она сухо, но в голосе послышалась нотка сочувствия. - Потом вас проводит медсестра.

Светлана взяла ручку. Пальцы дрожали так, что она едва удерживала стержень. Она посмотрела на бумагу, на пустую строчку, где должно было появиться её имя, и вдруг отчет-

ливо представила крошечное тельце, которое уже билось внутри неё, и впервые за последние недели почувствовала, что в мире есть что-то настоящее, её собственное, никому не подвластное.

- Я не могу, - выдохнула она, отодвигая бланк.

- Можешь – Настя подмахнула бланк вместо Светланы, а потом вышла из кабинета раздраженная.

Светлана смотрела на врача и слезы лились из глаз.

- Я не могу – прошептала она сквозь слезы.

Рядом на стуле раздалась вибрация. Настя оставила свой телефон.

Света подняла трубку и застыла от ужаса. На экране светился вызов от Глеба.

Вызов прервался и Света открыла галерею фото.

И снова удар под дых. На снимках была ее подруга и ее теперь уже бывший муж...

Пазл сложился мгновенно.

Света вернула телефон на место и посмотрела в глаза врача.

- Проведите меня в процедурный, пожалуйста – прошептала Света сквозь слезы

Врач кивнула, вызывая медсестру

Настя поспешно вернулась в кабинет, увидев свой телефон, что лежал на стуле экраном вниз, она выдохнула.

- Готова?

- Готова – Света кивнула и вышла из кабинета за медсестрой

Только вот ее план теперь состоял в другом.

В процедурном, когда дверь за Светой закрылась, она вцепилась в руку врачу

- Пожалуйста – прошептала Света – я хочу этого ребенка, но...она... - слезы снова потекли из глаз

- Тише, девочка, я, знаешь ли, не первый год замужем – усмехнулась врач – ложись на кушетку и отдыхай. Никто ничего не узнает, и держись подальше от таких подруг.

- Я рожу. Я не знаю, как, но я справлюсь. Это мой ребенок, и я не отдам его ни клинике, ни обстоятельствам, ни чужой алчности.

- Вот и правильно.

Через час врач вышла из процедурного и направилась в приемную.

- Ну как? – Настя подскочила со стула

- Аборт прошел успешно, но возникли некоторые осложнения. Ваша подруга останется здесь до утра. Вот тут распишитесь и счет оплатите.

- Да, да, конечно, я все оплачу. Главное, что все прошло

Настя улыбалась, не замечая осуждающий взгляд врача

Ночью, когда клиника затихла и только дежурная медсестра изредка шаркала тапками по коридору, Светлана лежала на кушетке в палате, прижимая руки к животу. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивался тусклый свет уличного фонаря, выхватывая из темноты её бледное лицо и мокрые от слез щеки. Она думала о Насе - о той, кого считала сестрой, кому доверяла самые сокровенные тайны. Как долго это длилось? Месяцы? Год? Вспоминались внезапные командировки Глеба, его холодность в последнее время, и то, как Настя слишком часто интересовалась их семейными делами, давала советы, которые всегда оказывались в пользу развода. А еще она вспомнила слова Глеба, он сказал, что его любовница беременна. Но Настя не может иметь детей, после череды абортов... последнее прерывание беременности пошло не так и Насе провели операцию, после которой женщина не может больше забеременеть, никогда.

- Дура, - прошептала Света в пустоту. - Какая же я слепая дура.

Злость и обида смешались в её груди в тугой комок, но где-то глубоко, под этим комком, уже зарождалась другая сила - холодная, расчетливая решимость. Она вытерла слезы. Завтра утром ей нужно будет сказать Насте спасибо за оплату и уйти. А потом начать всё заново.

Утром, когда врач принесла ей завтрак и тихо сообщила, что Настя уже дважды звонила и спрашивала, когда можно забрать подругу, Светлана лишь покачала головой. Она попросила медсестру принести её телефон из сумки и набрала номер Елены Сергеевны - своей старой знакомой из журнала, которая когда-то говорила, что в её издательстве всегда найдется место для талантливого фотографа.

Трубку сняли после третьего гудка. Света, стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала, что развелась, что ей нужна работа, любая, хоть помощником в студии. Елена Сергеевна помолчала, потом вздохнула:

- Приезжай, поговорим. Время тяжелое, но для тебя, так и быть, посмотрю, что можно сделать

Света закрыла глаза и выдохнула. Маленький шаг, один из тысячи, но это была её победа.

Когда в палату влетела Настя с дежурной улыбкой на лице и пакетом апельсинов в руках, Светлана уже сидела на кровати, одетая и собранная. Лицо её было спокойным, почти бесстрастным - таким, каким она научилась держать его в самые трудные минуты замужества.

- Ну как ты, бедняжка? - затараторила Настя, ставя пакет на тумбочку. - Я так переживала! Врач сказала, всё прошло, но надо беречь себя, никаких нагрузок...

Света молча смотрела на неё, и в этом взгляде не было ни ненависти, ни упрёка - только пустота, которая говорила громче любых слов.

- Всё хорошо, - ответила она ровно. - Спасибо, что помогла. И спасибо, что оплатила.

Настя на мгновение замялась, будто почувствовала что-то неладное, но тут же списала это на последствия операции.

- Поехали ко мне, отлежишься, - предложила она. - Тебе сейчас покой нужен

- Нет, - отрезала Светлана, поднимаясь с кровати. - Я поеду в бабушкин дом, в деревню. Хочу сменить обстановку

Они вышли из клиники вместе. Солнце слепило глаза, совсем по-весеннему. Несмотря на мартовский мороз.

Настя ловила такси, болтая о каких-то пустяках, а Света смотрела на её профиль и с удивлением замечала, как изменилось её восприятие: вместо подруги она видела чужую, хищную женщину, которая улыбалась, пока за спиной рушились чужие жизни. Глеб, конечно, тоже получит своё - но потом. Не сейчас. Сейчас у неё есть цель: найти угол, родить ребенка и встать на ноги. Машина остановилась, и Настя открыла перед ней дверцу.

- Садись, подвезу до метро, а то ты бледная ещё

Света покачала головой:

- Нет, я пройду пешком. Мне воздух нужен

Она шагнула вперёд, чувствуя, как подошвы сапог касаются замерзшего асфальта, и впервые за долгое время улыбнулась - не Насте, а солнцу, ветру, и той крошечной жизни внутри себя, которую никто, и в первую очередь лживая подруга, не сможет у неё отнять.

Светлана шла по заснеженному тротуару, и каждый шаг отдавался в груди горькой свободой. Она миновала остановку, свернула в переулок, где снег ещё не успели расчистить, и остановилась, прислонившись к стене старого кирпичного дома. Только здесь, в тишине, она позволила себе заплакать - беззвучно, без надрыва, просто давая выйти тому, что копилось годами. Но слёзы быстро высохли.

В издательстве она получила отказ. Слезы снова навернулись, но она вытерла лицо рукавом пальто, достала телефон и открыла карту: до бабушкиного дома в Подмоскovie было три часа на электричке, а потом ещё двадцать минут пешком через лес. У неё оставалось чуть больше десяти тысяч рублей на карте, и это всё, что отделяло её от пропасти.

В электричке она сидела у окна, смотрела, как мелькают серые деревни и сугробы, и прокручивала в голове разговор с Еленой Сергеевной.

Работа в журнале - это не просто деньги, это нить, которая свяжет её с прошлой жизнью, с профессией, которую она любила. Теперь придётся начинать с нуля, снимать свадьбы и корпоративы, а не обложки глянца. Зато это даст ей крышу над головой и возможность копить. Она открыла заметки и начала писать список: снять комнату, купить самую дешёвую коляску, найти врача, который будет вести беременность. Пальцы замерзли, но она не чувствовала холода.

Бабушкин дом встретил её запахом сырости и запустения. Ключ чудом сохранился под ступенькой старого крылечка - бабушка умерла пять лет назад, и дом стоял заколоченным. Света толкнула дверь, и та поддалась с протяжным скрипом. Внутри было темно, холодно, на полу лежал слой пыли, но печь была цела, а в углу стояла старая железная кровать. Она сняла перчатки, разожгла огонь из старых газет и щепок, и когда первые языки пламени лизнули дрова, ей показалось, что в груди тоже затеплился свет. Она не знала, как будет жить дальше, но впервые за долгое время чувствовала, что делает правильный выбор.

Через неделю она уже нашла работу: помощник фотографа в маленькой студии при торговом центре. Платёж был смешным, но она была рада и этому.

Глава 3

Светлане повезло. Однажды вечером к ней пришел сосед. Сказал, что сын с семьей хочет перебраться в деревню и спросил не собирается ли она продавать дом.

Деревня, где стоял старый бабушкин дом, была небольшой. Работы здесь нет, детских садов и школ тоже. До ближайшего детского сада нужно добираться или на машине, которой у Светы не было, или на электричке. Поэтому такое предложение, как продажа дома с участком, Света приняла с огромным энтузиазмом.

Светлана, конечно, понимала, что сумма, которую предложит сосед, вряд ли покроет все её московские нужды, но сама возможность разом избавиться от этой давящей обязательств собственностью казалась ей подарком судьбы.

Она уже представляла, как снимет маленькую, но чистую квартиру где-нибудь в спальном районе, поближе к метро, и наконец-то начнет дышать полной грудью. Без еженедельных поездок на электричке, без вечных проблем с печью и протекающей крышей, без этого гнетущего чувства незавершенного дела, которое висело на ней тяжким грузом последние несколько недель.

Ночь после разговора с соседом прошла беспокойно. Света ворочалась, прислушиваясь к завываниям ветра за окном, и мысленно перебирала варианты. Она уже видела себя в новой жизни: утром она идет в уютную кофейню перед работой, вечером возвращается в тихую квартиру, где нет необходимости колоть дрова и носить воду. Эта картина была такой манящей, такой правильной, что решение казалось очевидным.

На следующее утро, едва дождавшись приличного часа, она набрала номер соседа. Тот пришел через полчаса - пожилой, но еще крепкий мужчина, Василий Петрович, который жил через два дома. Они уселись на веранде, и Света, чувствуя легкую дрожь в голосе, сказала, что готова обсуждать продажу.

- Ну и славно, Светочка, - Василий Петрович одобрительно кивнул, достав из кармана пухлый блокнот. - Я, знаешь, уже и цену прикинул. Рынок сейчас нестабильный, но за дом с таким участком, да еще и с прудом за огородом - сын готов предложить пятнадцать миллионов.

У Светы перехватило дыхание. Она ожидала услышать сумму намного меньше. Ведь дом этот только сносить, земля неухоженная, запущенная. Водопровода в доме нет, канализации тоже.

Это был ответ на все её молитвы. Она сможет купить себе пусть маленькую, но свою квартирку.

- Пятнадцать? - переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Это очень щедро.

- Да какой там щедро, - махнул рукой сосед. - Сын у меня, Димка, толковый, он перестройку затеял. Хочет здесь мастерскую по дереву открыть, заказы из города возить. В деревне сейчас, знаешь, многие так делают - тишина, простор. Так что дом пойдет в дело. Ну что, по рукам?

- По рукам, - выдохнула Светлана, и на душе у нее стало легко и пусто одновременно.

Дни до сделки пролетели в суматохе. Нужно было собрать документы, заказать оценку, сходить к нотариусу. Света носилась по городу, чувствуя невероятный прилив энергии. Она перестала обращать внимание на привычный упадок деревенского дома: на то, как скрипят половицы, как пахнет сыростью из подпола. Скоро всего этого не станет, скоро начнется новая жизнь.

И как бы ей ни было жаль этого дома. Она прекрасно понимала, что сама в одиночку она не потянет содержание дома. А когда родиться ребенок, ей будет намного тяжелее.

В день сделки Света проснулась раньше обычного. Солнце только начинало золотить верхушки старых, голых берез, стоящих вдоль забора. Она сварила себе слабый кофе, вышла на крыльцо и вдохнула знакомый с детства запах весеннего утра.

Странно, но теперь, когда дом вот-вот перестанет быть ее заботой, она вдруг вспомнила, как мирно поет иволга в саду, как тягуче и сладко пахнет цветущая липа. Раньше за вечной спешкой и тревогами она этого точно не замечала. «Ну вот, - подумала она, отпивая глоток, - последнее утро здесь. Прощай, старая жизнь».

В дверь постучали ровно в десять. Василий Петрович пришел не один - с ним был его сын Дмитрий, высокий мужчина в очках, с аккуратной бородой и руками, испачканными столярным лаком. Они вместе погрузились в старую «Ниву» и поехали в районный центр, в МФЦ.

В машине Дмитрий оживленно рассказывал о своих планах: как он переоборудует старую постройку под сушильную камеру для досок, как уже договорился с поставщиками из соседней области. Слушая его, Светлана вдруг поймала себя на мысли, что этот дом, который годами давил на нее грузом запущенности, на самом деле был настоящим сокровищем. Просто она смотрела на него как на обузу, а Дмитрий - как на возможность.

В МФЦ все прошло быстро и буднично. Света расписалась в нескольких местах, передала папку с документами, и через сорок минут на ее телефон пришло уведомление о зачислении денег. Она смотрела на цифру на экране и не могла поверить, что теперь она свободна.

Никаких долгов перед бабушкиной памятью, никаких ночных кошмаров о замерзших трубах. Выходя из здания, она остановилась на ступеньках и глубоко вздохнула. Асфальт, городской шум, запах выхлопных газов и шаурмы - это был воздух ее новой жизни.

Дмитрий крепко пожал ей руку и сказал

- Если что, заезжайте в гости. Мы там всё переделаем - стыдно не будет.

Она вежливо улыбнулась, зная, что скорее всего никогда не вернется в эту деревню.

Вернувшись в Москву, Света первым делом позвонила трем риелторам.

Квартиру она присмотрела еще неделю назад - однушка в новом микрорайоне, но с хорошей транспортной развязкой, во дворе детский сад, а в соседнем дворе школа. Ведь теперь она не одна. А еще рядом детская поликлиника.

Через два дня она въехала туда с одним чемоданом и огромной надеждой.

В тот же вечер, сидя на табуретке в пустой комнате, она включила чайник, который забрала из бабушкиного дома, и почувствовала себя почти счастливой.

Первые недели пронеслись в суете. Света встала на учет в женской консультации. Купили необходимую мебель, кухонную утварь и смотрела, как ее счет неумолимо тает.

- Так, нужно выходить на работу.

Работа в небольшом фотоателье, денег немного, но это лучше, чем совсем ничего. К обустройству квартиры Света подходила с полной ответственностью. Не тратила на ненужные безделушки.

Только на одну вещь, нет. Вернее на две, Свете пришлось потратиться. Она купила себе хороший фотоаппарат и объектив.

- Господи, две вещи, а стоят как хороший подержанный автомобиль, - усмехнулась она, разглядывая покупки на столе.

Но это было вложение в будущее. Когда-то до того, как вышла замуж за Глеба, она была отличным фотографом и ее ценили в издательстве.

- Почему я была настолько слепа? Почему позволила уничтожить себя как личность?

Света начала делать снимки. Просто лавочка под первым весенним дождем. Небо в огромной луже растаявшего снега, птица, нахохлившаяся от ветра. Она фотографировала в разное время суток, при разной погоде. Играя со светом и тенью. И понимала, что то, что произошло с ней, произошло только к лучшему. Она стала оживать, стала дышать свободнее.

Света сменила номер телефона, удалила старый аккаунт из соцсети и завела себе новый. Она поставила фотографию, которую сделала в своей новой квартире, перед новым зеркалом. На фотографии не видно лица. Имя она написала вымышленное. Ей не хотелось, чтобы Глеб или Настя, или кто-то из общих знакомых наткнулись на ее профиль.

Прошло два месяца. Света почти не вспоминала старую жизнь, разве что иногда, просыпаясь среди ночи, ловила себя на мысли, что ищет рукой край кровати, где раньше спал Глеб.

Но это было редко. Чаще она просыпалась от света, заливающего комнату, и первым делом проверяла телефон - не пришёл ли новый заказ.

Она начала выкладывать снимки в свой анонимный аккаунт, не подписывая их и не ставя геолокации. Просто кадры: мокрая брусчатка, отражение фонаря в луже, старик, кормящий голубей на скамейке.

К удивлению, на них начали подписываться люди. Сначала десяток, потом сотня, а к концу второго месяца - почти три тысячи. В комментариях писали: «Этот свет пронзает», «Как будто я там стою и дышу этим воздухом».

Кто-то предложил купить фотографию для интерьера, и она, помявшись, назвала цену. Через час пришёл перевод.

Света купила ещё один объектив - портретный. Теперь она выходила на улицы в час, когда город только просыпается: в половине пятого утра, с термосом и камерой на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.